

ТРЕТЬЕМУ ЛИТОВСКОМУ СТАТУТУ 400 ЛЕТ (от Первого до Третьего Статута)

С. ЛАЗУТКА

О феномене Литовского Статута (или Литовских Статутов, ибо их было три: Первый (1529 г.), Второй (1566 г.), Третий (1588 г.) – уже много сказано. Они имеют обширную историографию, особенно Первый и Третий. Третий Литовский Статут (ТЛС) получил силу действующего свода законов Великого княжества Литовского (ВКЛ) по привилегии Жигимантаса (Сигизмунда) III 28 января 1588 г., т. е. *ровно 400 лет назад*¹. Однако научное его изучение началось лишь после „открытия“ одного из его экземпляров В. Сопиковым² и публикации С.-Б. Линде³. Вся довольно обширная довоенная литература об этом уникальном памятнике скрупулезно исследована в капитальных трудах его неутомимого историографа, русского историка, с 1933 по 1940 г. профессора Каунасского университета И. Лаппо⁴ и известного советского историка В. Пичеты⁵. Основным фундаментальным трудом И. Лаппо является, конечно, академическое издание ТЛС⁶.

В небольшой статье трудно что-либо прибавить к названному исследованию И. Лаппо о довоенной историографии. Не представляется возможным подробнее оценить здесь и труды самого ученого, можно лишь присоединиться к той высокой оценке, которую им дал В. Пичета. Поэтому кратко остановимся лишь на послевоенной историографии памятника, которую как раз и открывает В. Пичета важным обзором исследований Литовских Статутов за период 1918–1940 гг.⁷ В изучении ТЛС основное место он совершенно справедливо отводит трудам И. Лаппо и особенно упомянутому капитальному Каунасскому акаде-

¹ См.: Лаппо И. И. Литовский Статут 1588 года (далее: Лаппо И. И. ЛС 1588). Каунас, 1936. Т. I. Ч. 2. С. 205–206.

² Там же. С. 363–364, 493–494.

³ Linde S.-B. O Statucie Litewskim, ruskim językiem i drukiem wydanym. Warszawa, 1816.

⁴ Лаппо И. И. ЛС 1588. Т. I. Ч. 2. С. 484–563.

⁵ Пичета В. И. Белоруссия и Литва XV–XVI вв. (далее: Пичета В. И. Белоруссия и Литва). М., 1961. С. 487–502.

⁶ Лаппо И. И. ЛС 1588. Т. I. Ч. 1–2. 1934–1936; Т. II (текст). 1938.

⁷ Пичета В. И. Белоруссия и Литва. С. 487–502.

мическому изданию этого памятника. В. Пичета, высоко и всесторонне оценивая этот труд, не идеализирует его, не забывает, что вышел он из-под пера буржуазного исследователя: „Двухтомное исследование И. И. Лаппо — это настольная книга для всякого, кто интересуется историей Литвы с половины XVI в. до 1588 г. Она насыщена богатым фактическим материалом. Чтобы оттенить свою точку зрения на спорные вопросы, И. И. Лаппо обычно дает критический обзор всех исследователей, касавшихся того или иного вопроса. — И далее, отмечая недостатки издания, В. Пичета продолжает: — Труд И. И. Лаппо — описательный, оторванный от социально-экономической среды, в которой и для которой составлялся новый Статут”⁸. Нам представляется особенно важным и справедливым замечание В. Пичеты о том, что И. Лаппо „...не упомянул нигде, что Великое княжество Литовское было феодально-крепостническим государством и что шляхта тщательно сформулировала свои права над крепостным населением”⁹. Правда, и сам В. Пичета, публиковавший свою работу в условиях все большего утверждения субъективистских тенденций в советской историографии, не избежал некоторых ошибочных положений.

Общие оценки ТЛС как выдающемуся феодальному кодексу — своду основных законов ВКЛ — даются во всех академических и учебных изданиях по истории СССР, истории права СССР¹⁰, а также по истории Украинской ССР и Белорусской ССР и истории права этих народов¹¹.

Краткую характеристику ТЛС дали К. Яблонскис¹² и Ю. Жюгжда¹³. К ТЛС как к источнику постоянно обращается в своем капитальном исследовании „Закрепощение крестьян в Литве”¹⁴ Ю. Юргинис, его перу принадлежит и несколько статей¹⁵, специально посвященных этому кодексу, в которых ученый, давая ему общую высокую оценку, иссле-

⁸ Там же. С. 501.

⁹ Там же. С. 502.

¹⁰ История государства и права СССР / Под ред. Г. С. Калинин и А. Ф. Голыцова. М., 1972. Ч. I. С. 246—247, 278 (следует, однако, заметить, что сведения о ТЛС здесь приводятся весьма скудные и не без ошибок, даже с такими необоснованными заявлениями, будто этот Статут написан на „староукраинском языке” — С. 278).

¹¹ История Белорусской ССР. В 2-х т. Минск, 1961. Т. I; История Украинской ССР. Київ, 1979; История государства и права Украинской ССР. В 3-х т. Київ, 1987. Т. I.

¹² Jablonskis K. Lietuvos valstybės ir teisės istorija nuo XIV a. pabaigos iki XVI a. vidurio / Spaudai parengė S. Vansevičius. V., 1971.

¹³ Lietuvos TSR istorija. V., 1957. T. I. P. 222—224.

¹⁴ Jurginis J. Baudžiavos įsigalėjimas Lietuvoje. V., 1962.

¹⁵ Jurginis J. Lietuvos Statutas // Moksias ir gyvenimas. 1966. Nr. 8. P. 12—13; Jurginis J. Liublino unijos akty ir III Lietuvos Statuto reikšmė // Lietuvos TSR MA darbai. Serija A. (dalee: Jurginis J. Liublino unijos akty...). 1979. T. 1(66). P. 65—77.

дует некоторые специфические вопросы. В одной из них Ю. Юргинис анализирует взаимосвязь акта Люблинской унии 1569 г. и ТЛС. Подробно останавливаясь на историографии вопроса, он скептически относится к той ее части (особенно к И. Лаппо), где считается, что ТЛС был принят вопреки акту Люблинской унии. Ю. Юргинис ее называет „несостоятельной“¹⁶. С этих позиций он интерпретирует и некоторые статьи ТЛС.

Наиболее полную и многогранную характеристику ТЛС с позиции историка права дал в своей докторской диссертации, автореферате и опубликованных на их базе работах И. Юхо¹⁷, определяя его вслед за И. Лаппо как свод „основных“ законов ВКЛ. Автор кратко охарактеризовал исторические условия появления ТЛС, попытался выявить его кодификаторов, интерпретировал многие статьи, особенно касающиеся уголовного права и процесса, суда и судопроизводства. Давая общую высокую оценку памятнику, И. Юхо пишет: „Издание Статута 1588 г. имело исключительно важное значение для всей последующей истории Белоруссии и Литвы. Он явился важным шагом по пути развития правовой мысли и отражал изменения, происшедшие в экономическом развитии <...>. Составители и редакторы статута, хотели того или нет, внесли в них ряд прогрессивных норм, которые в конечном итоге выдвинули статуты на одно из первых мест среди памятников феодального права европейских стран“¹⁸.

Основательному анализу подверг Литовские Статуты с точки зрения истории права ВКЛ другой советский исследователь этой проблемы С. Вансевичюс. Опираясь на положения статей Статута, он охарактеризовал государственно-правовые институты ВКЛ и пришел к выводу, что „Литовские Статуты законодательно оформили сложившиеся ранее государственно-правовые институты Великого княжества Литовского“¹⁹. Недостатком работ обоих этих историков права является то, что они, переняв традиции старой школы историков права, исследовали нормы всех трех Статута вместе, не разграничивая эти кодексы, принадлежащие к различным ступеням феодального общества ВКЛ и составлявшиеся на различных стадиях его развития.

Наибольшие заслуги в изучении ТЛС в послевоенной историографии принадлежат польскому историку права Ю. Бардаху. Уже в своем капитальном труде он исследовал некоторые институты Литовских Ста-

¹⁶ Jurginis J. Liublino unijos aktu... P. 78.

¹⁷ Юхо И. А. Правовое положение населения Белоруссии в XVI в. (далее: Юхо И. А. Правовое положение). Минск, 1978: его же. Общественно-политический строй и право Белоруссии в XVI в. (дис. ... д-ра юрид. наук). РО НБ Киевск. гос. ун-та им. Т. Г. Шевченко; под тем же названием автореф. и др. работы.

¹⁸ Юхо И. А. Правовое положение. С. 69–70.

¹⁹ Vansevicius S. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės valstybiniai-teisiniai institutai. V., 1981. P. 123.

тутов, в том числе и Третьего²⁰. Кроме того, Ю. Бардах посвятил Литовским Статутам ряд специальных статей²¹, в которых досконально проанализировал обстоятельства появления ТЛС, его характер, некоторые институты, дал ему общую высокую оценку как памятнику эпохи Возрождения. В краткой статье „К вопросу об утверждении Литовского Статута 1588 г.“ Ю. Бардах детально рассматривает обстоятельства утверждения ТЛС Жигимантасом (Сигизмундом) III, освещает мнения различных авторов, на наш взгляд, несколько пристрастно подчеркивает „тенденциозность“²² позиций И. Лаппо, исследовавшего этот вопрос наиболее капитально и объективно. Автор приводит ряд источников, убедительно свидетельствующих о том, что польские феодалы сразу же после утверждения ТЛС добивались его исправления, в соответствии с актом Люблинской унии уравнивания его норм с польским правом или даже отмены, однако „попытки польских сеймиков добиться отмены или пересмотра Статута Великого княжества (ТЛС – С. Л.) были безуспешны: он оставался в силе до 1840 г., что является веским доказательством его значения“²³.

В двух других своих статьях на польском и русском языках Ю. Бардах наиболее убедительно среди всех исследователей показал, что Литовские Статуты являются памятниками эпохи Возрождения. „Правовая система, – резюмирует автор, – зафиксированная в III Статуте, представляла удачный синтез принципов феодально-сословного строя с гуманистическими элементами, а также новыми правовыми понятиями (курсив наш – С. Л.), воспринятыми и развитыми (курсив наш – С. Л.) литовскими законодателями XVI в. Наилучшим доказательством того, что синтез был удачным и отвечал требованиям эпохи, является то, что два с половиной века III Статут представлял образец для законодателей и вполне удовлетворял практиков“²⁴.

На наш взгляд, весьма важной является методика Ю. Бардаха, продолжающая линию И. Лаппо о необходимости изучения всех трех Литовских Статутов как кодексов разных ступеней феодализма в ВКЛ. Отступление от этой методики привело к тому, что „... из-за произвольного и превратного оперирования положениями всех трех статутов

²⁰ *Bardach J. Studia z ustroju i prawa Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVII w. Warszawa, 1970.*

²¹ *Bardach J. Statuty Wielkiego Księstwa Litewskiego – pomniki prawa doby odrodzenia // Kwartalnik Historyczny. 1974. Rocz. LXXXI, zes. 4. S. 750–779; Бардах Ю. Литовские Статуты – памятники права периода Возрождения // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. (далее: Бардах Ю. ЛС – памятники права). М., 1976. С. 71–93; Бардах Ю. К вопросу об утверждении Литовского Статута 1588 г. // Славяно в эпоху феодализма (далее: Бардах Ю. К вопросу...). М., 1978. С. 199–205.*

²² *Бардах Ю. К вопросу... С. 202.*

²³ *Бардах Ю. К вопросу... С. 205.*

²⁴ *Бардах Ю. ЛС – памятники права. С. 90.*

возникла не существующая в исторической действительности картина системы права"²⁵. А такая методика и методология исследования, как уже выше мы показали на примере двух наиболее известных советских историков права И. Юхо и С. Вансявичюса, полностью еще не изжита.

Среди последних работ выделяется двухтомное академическое издание Истории Литовской ССР²⁶, в котором, хотя и кратко, но наиболее емко и верно М. Ючасом дана общая характеристика ТЛС.

Отдельные проблемы права ВКЛ на основе статей ТЛС или их положений изучали и давали тем самым характеристику самому кодексу многие другие историки.

Так, З. Копысский основательно рассмотрел роль норм Литовских Статутов и, в частности, Третьего в правовом регулировании жизни и деятельности городского населения ВКЛ²⁷. Он показал, что Литовские Статуты одновременно являются и одним из важных источников по истории городов Белоруссии и Литвы²⁸. Автор пишет: „Данные, содержащиеся в общегосударственных кодексах Великого княжества Литовского — Статутах 1529, 1566, 1588 гг., проливают яркий свет на ряд характерных черт экономического облика городов Белоруссии и Литвы XVI—первой половины XVII в. Они позволяют также лучше понять тенденцию развития городов и их роль в жизни тогдашнего общества и государства"²⁹. Вопрос о применении ТЛС в судебной практике XVII—XVIII вв. довольно основательно рассмотрел М. Ючас. Он показал, что при решении большинства судебных дел, особенно имущественных, как суд, так и стороны на протяжении всего XVII и XVIII вв. постоянно обращались к ТЛС. Внимательно проследив на примере конкретных судебных дел действие норм ТЛС, особенно в эпоху разложения феодализма, автор пришел к оригинальному и интересному выводу, что „Статут служил феодальному обществу, однако с началом его разложения (примерно в последней четверти XVIII в.). Статут стал уже препятствовать общественному прогрессу <...>. Защита Статута в XVIII в. отвечала интересам реакционной шляхты"³⁰.

В. Андриулис в своей кандидатской диссертации и автореферате „Правовое регулирование семейных отношений по Литовскому Статуту

²⁵ Там же, с. 72.

²⁶ Lietuvos TSR istorija. Nuo seniausiu laikų iki 1917 metų. V., 1985. P. 151–157.

²⁷ Копысский З. Ю. Города Великого княжества Литовского в государственном законодательстве XVI—первой половине XVII века // Первый Литовский Статут 1529 г. (далее: ПЛС 1529 г.). Вильнюс, 1982. С. 20–27.

²⁸ Капыскі З. Ю. Статуты 1529, 1566 і 1588 гадоў як крыніцы па гісторыі гарадоў Беларусі // Весці АН Беларускай ССР. Серыя грамадскіх навук, 1969. № 3. С. 91–99.

²⁹ Там же, с. 99.

³⁰ Ючас М. Применение Статута 1588 г. в судебной практике XVII—XVIII веков // ПЛС 1529 г. Вильнюс, 1982. С. 86.

1588 г.³¹, а также в опубликованных работах по данному вопросу³² проанализировал на основе статей Статута условия заключения браков, имущественные взаимоотношения между супругами, нормы прекращения и расторжения браков, различные аспекты супружеских отношений, статус законных и незаконных детей, имущественные отношения между родителями и детьми, нормы опекунского права и некоторые другие отношения семейного права.

М. Тихомиров³³, Д. Черска³⁴ и В. Чернов³⁵ рассматривали вопрос о степени использования ТЛС кодификаторами Соборного Уложения 1649 г. в качестве источника. Первые два автора, как и многие их предшественники, на этот вопрос отвечали положительно. В. М. Чернов попытался, правда, в весьма осторожной форме, опровергнуть мнение прежних исследователей, утверждавших, что ТЛС являлся источником многих статей Соборного Уложения, и выдвинул свою гипотезу, по которой следует отыскивать для этих судебных актов один общий источник. Свои соображения он прямо так и резюмирует: „На наш взгляд, вопрос можно разрешить, если отказаться от концепции заимствования, допустив происхождение Соборного Уложения и Литовского Статута от одного общего основания, положив в основу идею развития русского права одновременно как в Западной, так и в Восточной Руси”³⁶. Ю. Бардах, совершенно обоснованно отвергая такую гипотезу, пишет: „Чтобы сделать эту гипотезу правдоподобной, следовало бы сначала установить существование этого гипотетического памятника права”³⁷. Дело в том, что крайне шовинистическими представителями русской буржуазной историографии такой „гипотетический” общий памятник права был „найден” — им объявлялась Русская Правда. „Литовский Статут, — писал Ф. Леонтович, — представляет целый ряд юри-

³¹ *Andriulis V. Šeimos santykių reguliavimas pagal 1588 m. Lietuvos Statutą* (teisės mokslų kand. disertacija). V., 1975. Vilniaus universiteto Mokslinės bibliotekos Rankraščių skyrius; Правовое регулирование семейных отношений по Литовскому Статуту 1588 г. (автореф. дис. ... канд. юрид. наук).

³² *Andriulis V. Pozityvinės santuokos sudarymo sąlygos pagal 1588 m. Lietuvos Statutą // LTSR AMMD. Teisė. 1973. T. 12. P. 19–26; Sutuoiktinių turtinių santykių reguliavimas kraičio sutartimi 1588 m. Lietuvos Statute // LTSR MAD. Serija A. 1975. T. 3(52). P. 39–50; Tėvų ir vaikų santykiai pagal Lietuvos Statutus // Socialistinė teisė. 1975. Nr. 3. P. 50–54; Globa pagal Lietuvos Statutus // Socialistinė teisė. 1977. Nr. 3. P. 47–53; Teisinis šeimos turtinių santykių reguliavimas Lietuvoje XIII–XVI a. // Teisinių institutų raida Lietuvoje. V., 1981. P. 79–102.*

³³ Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное Уложение 1649 г. М., 1961.

³⁴ *Czerska D. Sobornoje Ułożenije 1649 roku. Zagadnienia społecznoustrojowe.* Wrocław, 1970. S. 54–63.

³⁵ Чернов В. М. К вопросу о влиянии Литовского Статута на Соборное Уложение / Ин-т славяноведения АН СССР. Краткие сообщения. М., 1958. С. 83–89.

³⁶ Там же. С. 89.

³⁷ Бардах Ю. ЛС — памятники права. С. 89.

дических институтов, корнями своими недряхшихся в Русской Правде. Можно безошибочно сказать, что целые разделы Статута построены на одинаковых началах с Русскою Правдою³⁸. Однако большинство даже русских буржуазных историков не поддержали такой точки зрения. Сам Ф. Леонтович не подтвердил выдвинутого им положения конкретными фактами. Кроме того, следует напомнить, что Литовский Статут не является памятником ни „Западной Руси“, ни „Восточной“ или „Западной“ Литвы или „Юго-Западной“ Украины, а сводом законов Великого княжества Литовского. И, следовательно, „гипотеза“ М. Чернова, возвращающая нас по существу к концепции Ф. Леонтовича, в принципе является неприемлемой для историографии.

ТЛС как источник более поздних норм украинского права глубоко исследовали украинские историки права А. Ткач³⁹, А. Пащук⁴⁰ и др.

Польский историк Генрик Визнер еще раз вернулся к всесторонне исследованному сравнительно узкому вопросу обстоятельств утверждения ТЛС⁴¹. В его статье подробнее рассмотрены обстоятельства выборов нового короля и решения конвокационного сейма 2 февраля 1587 г., имеющие определенную связь с утверждением Статута. Однако сам автор говорит, что тогда еще „о Статуте не упоминалось“⁴². Его рассуждения о чтении „корректур прав“ так же, как и рассуждения прежних исследователей, не дают ясного ответа, были ли это „корректуры“ ТЛС⁴³. Дополнительно для выяснения вопроса автор попытался связать подтверждение ТЛС с бычиньским сражением и пленением второго претендента на польский престол Максимилиана, однако это ничего нового не внесло в объяснение вопроса. По-видимому, не случайно в заключении статьи Г. Визнер вынужден был ограничиться еще менее определенными выводами, чем его предшественники⁴⁴.

³⁸ Леонтович Ф. И. Русская Правда и Литовский Статут // Университетские известия. Киев, 1865. № 2. С. 1.

³⁹ Ткач А. П. Історія кодифікації і дореволюційного права України. Київ, 1968.

⁴⁰ Пащук А. Й. Суд і судочинство на Лівобережжя України в XVII–XVIII ст. Львів, 1967.

⁴¹ Wisner H. Z dziejów zatwierdzenia III Statutu Wielkiego Księstwa Litewskiego // Czasopismo Prawno-Historyczne, oddział w Poznaniu. 1983. T. XXXV, zes. 1. S. 213–220.

⁴² Wisner H. Z dziejów zatwierdzenia III Statutu Wielkiego Księstwa Litewskiego. S. 214.

⁴³ Там же. С. 217 – сам автор заключает: „Kwestią otwartą pozostaje, czy mowa o Statucie“.

⁴⁴ „3. III Statut Litewski był, jak się zdaje (kursyw наш – С. Л.), znany i omawiany w izbie poselskiej; 4. Pominięcie potwierdzenia III Statutu w tekście konstytucji sejmu koconacji Zygmunta Wazy wiązało się zapewne (kursyw наш – С. Л.) z odmową Korony nadania wyników rozstrzygnięć – w kwestii Inflant, rangi uchwały sejmowej“. Там же. С. 220.

Особое место во всей исторической литературе по Литовским Статутам занимают интересные и оригинальные философские статьи И. Василевскене, в которых автор рассматривает с позиции идей эпохи Возрождения отражение в этих памятниках естественного права и философских воззрений Аристотеля. „В Литовских Статутах — выдающихся памятниках общественно-политической мысли XVI в. Литвы и Восточной Европы, — резюмирует она, — отражены прогрессивные взгляды эпохи Возрождения на правовое государство, на социальную структуру общества, нашедшие свои истоки в классическом естественном праве и в передовой политической мысли прошедших веков. Эти идеи были развиты мыслителями XVI в. П. Ройзем, А. Ротундом, А. Воланом, Л. Сапегой и др.”⁴⁵ В другой статье она убедительно показывает, что „В Литовских Статутах <...> нашли свое отражение идеи практической философии Аристотеля, интерпретированные теоретиками политики эпохи Возрождения в Литве”, и что эти идеи были развиты редактором ПЛС Л. Сапегой⁴⁶.

Отражение процесса закрепощения крестьянства Украины и Белоруссии и его правового положения в Литовских Статутах изучали И. Шекера⁴⁷, В. Самойленко⁴⁸, Д. Похилевич⁴⁹, И. Бойко⁵⁰, М. Спиридонов⁵¹ и другие исследователи.

Единственную в своем роде работу после В. Пичеты по историографии Литовских Статутов опубликовала Л. Москвич⁵². В ней интересно и довольно глубоко проанализированы труды украинских советских исследователей.

Не затрагивая глубинных проблем содержания норм ПЛС, большую и важную работу по изучению его языка и терминологии проделали в послевоенные годы филологи Литвы — М. Закарьян и Л. Судавичене,

⁴⁵ *Vasilevskienė I. Prigimtinių teisės atspindžiai Lietuvos Statutuose // LTSR MAD. Serija A. 1977. T. 4(61). P. 41.*

⁴⁶ *Vasilevskienė I. Aristotelio praktinės filosofijos įtaka nuosavybės, nelaisvės ir šeimos institutų bei pilietybės klausimams Lietuvos Statutuose // LTSR MAD. Serija A. 1980. T. 1(70). P. 40.*

⁴⁷ *Шекера И. М. Литовские Статуты и правовое положение крестьян Украины в XVI в. // ПЛС. 1529 г. С. 112–118.*

⁴⁸ *Самойленко В. І. Литовський Статут про закріпачення селян // Праці Київського державного історичного музею. Київ, 1958. Вип. 1. С. 119–132.*

⁴⁹ *Похилевич Д. Л. Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI–XVIII вв. Львов, 1957.*

⁵⁰ *Бойко І. Д. Селянство України в другій половині XVI–першій XVII ст. Київ, 1963.*

⁵¹ *Спиридонов М. Ф. Закрепощение крестьянства Белоруссии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1981; „Воля” и „мезола” в период действия Статута Великого княжества Литовского 1529 г. // ПЛС 1529 г. С. 104–111.*

⁵² *Москвич Л. Г. Литовские Статуты в украинской советской историографии // ПЛС 1529 г. С. 135–143.*

Белоруссии — В. Аниченко, А. Булыка, А. Журавский, Л. Шакур и др.,
Польши — М. Лизисова и др.

В послевоенную библиографию ТЛС, разыскание его рукописных списков и сохранившихся многочисленных экземпляров первого Мамоничского издания внесли значительный вклад Г. Подозерская-Уткина, В. Рауделюнас, А. Дубонис.

* * *

Главная цель этой „юбилейной“ статьи — на фоне проанализированной послевоенной историографии отметить некоторые штрихи развития права ВКЛ в период от Первого до Третьего Статута, т. е. за 60 лет, и определить место Литовских Статутов и конкретно Третьего среди подобного рода памятников права феодальной Европы. Автор этих строк не однажды воздавал должное Литовскому Статуту как уникальному памятнику феодального права, как вершине правовой мысли эпохи феодализма. И действительно, Литовские Статуты, являясь в течение 311 лет сводом законов, или „основными законами“, как называют их многие исследователи Литовского государства — ВКЛ, а после третьего раздела Речи Посполитой — жителей этой территории, не имеют себе равных среди феодальных судебных кодексов Европы. И это не является субъективным преувеличением „влюбленного“ в свою проблему исследователя. Подобным образом Литовские Статуты оценивало большинство их исследователей, начиная с выдающихся профессоров нашего старого университета И. Даниловича и Й. Лелевеля и кончая И. Лаппо. Почти за 200 лет, с тех пор как Литовские Статуты стали известны науке, Первый и Третий выдержали до десятка изданий, по ним написаны сотни статей и более двух десятков томов книг. А один из наиболее известных историков славянского права, польский ученый середины прошлого столетия В.-А. Мацейковский, воздавая должное этому памятнику, писал: „Литовский Статут является великим памятником законодательства своей эпохи и таким, какого не имела современная Европа“⁵³. Среди историков было немало дискуссий по поводу взаимосвязи и взаимоотношения всех трех Статутов, их определения как памятников права. Одни утверждали и утверждают, что это только разные редакции одного и того же памятника и называют их одним обобщающим названием „Литовский Статут“, другие полагают, что это отдельные юридические кодексы, своды законов, порожденные разными историческими эпохами и обстоятельствами. Второе определение, по-видимому, более правильное, ибо действительно все три Статута, являясь феодальными сводами законов ВКЛ, были вызваны к жизни разными ступенями феодальных отношений, порождены различными историческими обстоятельствами и сильно отличаются друг от друга, особенно Третий от Первого.

⁵³ Maciejowski W.-A. *Historia prawodawstw słowiańskich*. Warszawa, 1856. T. I. S. 207.

Мне уже не раз приходилось писать об исторической эпохе, исторических условиях, породивших Первый Статут. Третий Статут появился через 59 лет. Феодалы отношения в ВКЛ за этот период в своем развитии сделали большой шаг. Произошла полная консолидация класса феодалов и полное закрепощение большей части эксплуатируемого ими крестьянства. В то же время если в период кодификации Первого Статута живительные веяния эпохи Возрождения только начали достигать Литвы, то в период кодификации ТЛС ее идеи овладели передовыми умами феодального общества ВКЛ и распространились среди значительной части феодалов, особенно крупных, во главе с самим канцлером и виленским воеводой Миколаем Радвилой Черным. По этой причине наши историки определяют Реформацию в Литве как панскую, подчеркивая ее относительно умеренный характер. Однако все же это было прогрессивное движение, и оно наложило свою печать на Второй и Третий Статуты, кодификация которых по существу началась одновременно с началом реформационного движения в Литве. Поэтому ТЛС, юридически узаконив окончательное закрепощение большинства крестьянства ВКЛ, сам еще в большей степени, чем Первый, испытал влияние идей эпохи Возрождения и реформационного движения. Кроме того, за 60 истекших лет значительного развития достигла правовая мысль, совершенствовался старобелорусский язык — официальный язык ВКЛ, что также сыграло свою роль в совершенствовании памятника.

Кодификаторы ТЛС под влиянием этих благоприятных обстоятельств, хотели они того или нет, вынуждены были включить в него ряд прогрессивных норм, а другие значительно смягчить. Так, например, они даже несколько изменили отношение к „простому человеку”, т. е. к крепостному или закрепощаемому крестьянину. ТЛС уже не ограничивается общей декларацией о пожаловании „христианских законов” „всему обществу и их подданным”⁵⁴, как это было в Первом Статуте, а в специальной XII.1-й статье⁵⁵ определяет уголовное наказание вплоть до смертной казни за убийство крестьянина, за которое ранее он откупался деньгами — головщиной. В статье говорится: „Повстегаячи мы, господарь, своволенства и зуфалства людские, которые ся што оть часу въ людехъ неповстегливыхъ, безъ всякое боязни божое, оказываютъ, съ чого и кровь невинъную людскую невестыдливие и невинне въ надею заплаты (т. е. головщины — С. Л.) за нее пенежное розливають <...>, уставуемъ: если бы который шляхтичь зъ зуфалства, з опильства и безъ данья причины, своволне, умыслне, легце поважачи право посполитое <...>, ч[о]л[о]в[е]ка простого стану нешляхтича забить, а быль бы пойманъ на горячомъ учинку <...>, таковой шляхтичь за

⁵⁴ Статут Великого княжества Литовского 1529 г. (далее: СВКЛ 1529 г.). Минск, 1960. С. 31.

⁵⁵ Далее везде римскими цифрами указываются разделы, арабскими после точки — статьи.

слушным доводомъ (курсив наш — С. Л.) маеть быти горломъ каранъ, кромь головщизны”⁵⁶. Конечно, родственникам убитого крестьянина нелегко было представить в суд против злодея феодала этот „слушный довод” — „обоснованное доказательство”, но все же такое их право было узаконено в государственном своде законов.

Уже Первый Статут, ограничивая рабство, четко определил четыре его источника. ТЛС сделал шаг вперед и в этом направлении, оставив лишь один источник рабства — военнопленных, и то с оговорками. В XII.21-й статье говорится: „Неволники впередь не мають быти з ыншихъ причинъ, одно полоненики. А иншая челядь неволная и тежь дети, потомьки полонениковъ мають быти осаживаны на земляхъ и розумены быти за отчичовъ”⁵⁷. Здесь уместно напомнить, что, каким бы ни было тяжелым положение вотчинного крестьянина, т. е. крепостного, в иерархической лестнице феодального общества он все же стоял выше раба-пленника. Статут даже упразднил вообще сам термин „невольный”, заменяя его термином „челядь дворная”: „Ознаймуемъ и ведомо то чынимъ, ижъ што въ семь теперешнемъ Статуте тыхъ людей о челядь, которые передь тымъ неволниками были званы, отменено назвиско и поменено а написано их челед[ь]ю дворною отчизною, материстою, купленою, або полонениками...”⁵⁸

В Статуте также сильно ограничены наказания несовершеннолетним.

Все три Статута в отличие от большинства феодальных судебныхников являются полностью светскими. Имя божье в них употребляется в чисто морально-нравственном смысле. Однако кодификаторы ТЛС и здесь сделали шаг вперед, отдавая предпочтение закону перед верой. Уже в своем предисловии ТЛС, посвященном Жигимантасу (Сигизмунду) III, один из его кодификаторов и издатель, подканцлер ВКЛ Лев Сапега, всячески восхваляя Статут и вообще законы, писал: „Были тые часы, наянейший милостивый господару королю, коли въ томъ згромаженю и посполитован[ь]ю людскомъ, которое мы речю посполитою называемъ, не правомъ якимъ описанымъ або статутомъ, але только своимъ зданьемъ и уподобаньемъ владность свою господары и короли того света над людьми ростегали. Але, ижъ частокротъ отъ пристойное свое повинности отступовали <...>, люди брыдечы се „хъ панованьемъ и звирхност[ь]ю, и не господарми, але тыранами оные называючы, на самомъ только статуте и праве описаномъ все беспеченство и доброе речы посполитое засажали. А про то онъ, великий и зашный филозофъ Греческий Арыстотелесь поведиль, же тамъ бельлуа, а по нашому дикое зверя, пануеть, где чоловекъ водлугъ уподобанья своего владность свою ростегаеть, а где опять право, або статуть, гору маеть, тамъ самъ богъ всимъ

⁵⁶ Лаппо И. И. ЛС 1588. Т. II (текст). С. 445.

⁵⁷ Там же. С. 461.

⁵⁸ Там же. С. 505, XIV. 36-я ст.

владеть”⁵⁹. В сам Статут кодификаторы внесли четыре (III.31–34)⁶⁰ новые статьи, в которых узаконивается неподсудность гражданских лиц духовному суду по гражданским искам. Они пошли дальше и в деле утверждения веротерпимости: не просто декларировали равные права католиков и православных, но включили специальную III.3-ю статью, узаконивающую равенство „всех подданных ... того государства (ВКЛ – С. Л.), по-разному исповедующих и разумеющих христианскую веру”:
„А, ижъ въ Речи Посполито[й] есть розность немалая з стороны веры хрестияньское, забегаючи тому, абы се съ тое причины межи людьми зашъсть якое шкодливое не вщело, которую по иншыхъ королевствахъ ясне видимъ, обещуемъ то себе сполне за насъ и за потомьки наши на вечные часы подь обовязкомъ присеги, под верою, честию и сумне-и[ь]емъ нашимъ, ижъ которые естесьмо розни въ вере, покой межы собою заховати а для розное веры и отмены въ костелехъ крови не проливать ани се карати отсуженьемъ маетьности, почтивостию, везеньемъ и выволаньемъ, и зверхности жадное ани уряду до такового поступку жаднымъ способомъ не помогать...”⁶¹ Совершенно ясно, что здесь речь идет не об уравнивании в правах католиков и православных как в Первом Статуте, а о разного рода течениях реформатов. Облечение создавшегося положения в правовую норму было весьма актуально в эпоху Реформации и не менее актуально в период уже начавшейся контрреформации. Исключительный интерес в данном случае представляет и то обстоятельство, что статья дословно переписана из постановления общей Варшавской конфедерации 1573 г., „которая коньфедерация съ Польское коньстытуции водлугъ права, каждому народу належачого, на Руский языкъ преложона и Рускимъ же писмомъ въ сесь Статуть уписана и слово отъ слова такъ се в себе маеть”⁶². И далее на трех страницах полностью изложено все постановление. Кодификаторы Статута, составлявшие его в нарушение акта Люблинской унии как совершенно самостоятельный свод законов ВКЛ, в данном щекотливом случае позаимствовали полностью целую большую и весьма важную статью из общего коронного постановления. Не случайно поэтому через 10 дней после утверждения ТЛС вильнюсский прелат (несколько позже вильнюсский епископ) Бенедикт Война от имени всего католического духовенства ВКЛ заявил королю и великому князю письменный протест против этой статьи⁶³.

ТЛС несколько демократизировал и положение женщин, даже „простого стану”. Появившаяся в нем новая III.20-я статья, которой не было в Первом Статуте, апробировала, а тем самым и узаконивала брак шлях-

⁵⁹ *Данно И. И.* ЛС 1588. Т. II (текст). С. 9–10.

⁶⁰ Там же. С. 143–150.

⁶¹ *Данно И. И.* ЛС 1588. Т. II (текст). С. 120.

⁶² Там же. С. 119.

⁶³ *Данно И. И.* ЛС 1588. Т. I. Ч. 2. С. 28, примеч. 2-б.

тича с нешляхтянкой, предоставляя ей и их детям шляхетство: „Пакъ ли бы который шляхтичь нешляхтянку, собе не ровную, поняль, тогда якъ тую нешляхтянку, жону свою, такъ и дети свои, з нею набытые, собою и шляхетствомъ своимъ ушляхтитъ, и таковыя жоны и дети ихъ за правыхъ шляхтичовъ быти мають”⁶⁴.

В ТЛС отражены и некоторые курьезы своего времени, которые в эпоху Первого Статута, по-видимому, еще не были модными. Так, например, в XI разделе появляется новая 14-я статья о дуэлях, осуждающая и запрещающая их⁶⁵.

ТЛС особенно подробно оговаривал все права и привилегии господствующего класса феодалов, формально уравнивая все его прослойки. Шляхта на своих поветовых сеймиках требовала самой мелочной детализации таких прав, иногда не совсем представляя себе эти права. По этому случаю в одном из своих писем Лев Сапега, иронизируя над такими „безбрежными” требованиями шляхты, писал: „Чего-то хотят и требуют вписать, а чего хотят, черт его знает...”

Удовлетворяя эти „безбрежные” требования землевладельческого класса, Третий Статут, а еще раньше Второй, удовлетворил главное из них — предоставил право свободно распоряжаться своими земельными владениями. В III.41-й статье говорится: „Тежь уставуемъ, ижь всимъ станомъ шляхетского народу, яко людемъ вольнымъ, вольно есть и будетъ именьями своими отчизными, материстыми, такъ же и выслужоными на насъ господари и якимъ же кольвекъ обычаемъ и способомъ набытыми вечностью, шафовати водле потребы, воли и уподобан[ь]я своего — отдати, продати, даровати, заменить и на костель записати, в долгу и в сумахъ завести, заставити, ведъже водлугъ того, яко о томъ шырей в розделе семомъ о записехъ есть описано”⁶⁶. В Третьем Статуте по сравнению с Первым имеется множество и других новых статей, детализирующих права шляхты. В нем даже появляется статья „О дорогахъ старовечныхъ”, устанавливающая, выражаясь современным языком, „правила дорожного движения”. В ней говорится: „Уставуемъ, ижь дороги великие, гостинцы, мають быти водле стародавнего обычаю такъ широкие, абы на полтора прута быти могли. А воз порожний маеть уступовати возу наложеному, пеший езиному, *езный возу* (курсив наш — С. Л.). А то, если бы тесная дорога была, яко на мостехъ и в ынцыхъ злыхъ разехъ, а часу зимнего, кгда снегъ бываетъ великий, мають, поткавши ся, дорогу по половицы делити, а одинъ другого спихати не маеть”⁶⁷. Самое интересное здесь то, что в статье ничего не говорится о принадлежности путников к сословиям. Если строго руководствоваться буквой статьи, т. е. закона, то выходит, что

⁶⁴ Там же. Т. II (текст). С. 134.

⁶⁵ Там же. С. 398—400.

⁶⁶ *Дипло И. И.* ЛС 1588. Т. II (текст). С. 155.

⁶⁷ Там же. С. 373—374, IX. 32-я ст.

верховой шляхтич должен был бы уступить дорогу возу крестьянина. Однако на практике, как свидетельствуют многочисленные источники, шляхтичи часто не уступали и друг другу дороги.

ТЛС имел особенно большое значение в утверждении государственной самостоятельности и равенства в унитарных отношениях с Польшей. В данной статье нет возможности и, по-видимому, необходимости останавливаться на самой унии, достаточно только напомнить, что в это время от ВКЛ была отторгнута значительная часть территории, а затем совместный сейм принял акт об инкорпорации ВКЛ в состав Речи Посполитой и приведения его законов в соответствие с польским правом⁶⁸. Кодификаторы ТЛС, как со всей убедительностью показал И. Лаппо⁶⁹, полностью игнорировали акт Люблинской унии, кодифицировав его как совершенно самостоятельный свод основных законов ВКЛ. Примечательно и то, что Третий Статут, как и два первых, написан на официальном языке Литовского государства — старобелорусском. В нем сохранились все статьи, направленные на пресечение попыток польских феодалов утвердиться в ВКЛ, приобрести земельную собственность и занять „уряды”, т. е. должности. А в одной из центральных статей, узаконивающей это положение, даже специально подчеркивается ее преемственность от соответствующей статьи Первого Статута: „Такъ же мы, господарь, обещуемъ и шлюбуемъ подь присегою нашою, которую учинили есмо Великому Князству Литовьскому и всимъ станомъ, обывателемъ его, беручи то *изъ Статуту старого* (курсив наш — С. Л.) короля, его милости, Жикгимонта Першого, тому паньству Великому Князству Литовьскому даного, а въ сесь укладаючы и на то позволяючы, што жъ въ томъ паньстве Великомъ Князстве Литовскомъ и во всихъ земляхъ, ему прислухаючихъ, достоинствей духовныхъ и светьскихъ, городовъ, дворовъ, кгруньтовъ, староствъ, державъ, вьрядовъ земьскихъ и дворныхъ, посесы, або въ держанье и поживан[ь]е, и вечностей жадныхъ чужоземцомъ и заграничникомъ ани суседомъ того паньства давати не маемъ, але то все мы и потомьки наши, великне князи Литовские, давати будемъ повинни только Литве, Руси, Жомойти, родичомъ *старожитнымъ и уроженцомъ* (курсив наш — С. Л.) Великого Князства Литовьского и иныхъ земля, тому Великому Князству належащихъ”⁷⁰. Как показывают другие статьи (III.2-я ст.)⁷¹, польских феодалов ТЛС причисляет к „суседам”, которым вышеприведенная III.12-я статья совершенно ясно запрещает занимать в ВКЛ какие-либо должности и жаловать навечно или в „держание” города и земельные

⁶⁸Что достаточно убедительно показал в вышеуказанных исследованиях Ю. Бардах. В одном из них он пишет: „Люблинский сейм 1569 г. <...> принял одновременно постановление об осуществлении максимального сближения правовых систем Польши и Литвы”. См.: Бардах Ю. К вопросу... С. 199.

⁶⁹Лаппо И. И. ЛС 1588. Т. I, ч. 2.

⁷⁰Лаппо И. И. ЛС 1588. Т. II (текст). С. 129, III. 12-я ст.

⁷¹Там же. С. 118.

владения, доступ ко всему этому могут иметь лишь уроженцы Литвы, Руси, Жемайтии и других земель, принадлежащих ВКЛ. И. Лаппо, проделавший под этим углом зрения скрупулезный анализ многих других статей, обоснованно утверждал: „Итак, по основным законам Третьего Статута Великое княжество Литовское представляет собою государство с особою государственною територією и населением, которое, как „губыльцы“, не смешивается с населением Польской Короны и в составе которого шляхетский „народ“ занимает господствующее положение, но полноправны и в составе этого последнего лишь „родичи“ государства Литвы. Государство, однако, имеет не только территорию и население. Оно должно иметь и свою государственную власть. И основные законы Третьего Статута организуют эту государственную власть Великого княжества Литовского в ряде артикулов кодекса”⁷². Таким образом, принятие ТЛС имело важное значение для исторических судеб литовского, белорусского и украинского народов. Статут хотя и не остановил колонизаторской политики правящих кругов Речи Посполитой, однако являлся в известной мере юридической опорой в борьбе против этой политики.

В 487 статьях 14 разделов ТЛС были детально разработаны и узаконены нормы государственного, гражданского, военного, уголовного, семейного, опекунского и других областей права и процесса. Как уже сказано, по сравнению с Первым и даже Вторым Статутами в нем появилось много новых статей, другие были значительно детализированы и расширены. Так, например, VII.14-я статья Первого Статута, определяющая наказание убийце своих родителей, состоит всего из одного краткого предложения: „Уставляем тѣж, иж коли бы хто отца своего рожоного або матку забил, тот горло и честь свою тратить”⁷³. В ТЛС соответствующая ей статья занимает уже полстраницы. В ней дополнительно поясняется, что такой убийца „не толко горломъ маеть быти каранѣ, але и почтивость и вси именья и мае[т]ность тратить на иншую братью, сестры або близкихъ своихъ, звлаща того учинку не винныхъ”⁷⁴. Однако этим дополнением кодификаторы не ограничиваются, они детально излагают саму процедуру казни преступника: „А такую карностью, смертию ганебною, маеть каранѣ быти: по рынку возечи, клещами тело торгати, а по томъ, въ мехъ скураный всадивши, до него пса, кура, ужа, котку, и тое все посполу въ мехъ всадивши, и зашити и где наглубей до воды утопити”⁷⁵. Таким же способом должны наказываться и сообщники убийцы, если таковые окажутся. Кроме того, в статье ТЛС появилась и еще одна новая норма (которой не было в Первом Статуте), устанавливающая наказание родителям за убий-

⁷² Там же. Т. I. Ч. 2. С. 117.

⁷³ СВКЛ 1529 г. С. 87.

⁷⁴ Лаппо И. И. ЛС 1588. Т. II (текст). С. 393-394, XI. 7-я ст.

⁷⁵ Там же. С. 394.

ство детей; оно сравнительно мягкое — год и шесть недель тюрьмы, а после этого еще различные виды церковных наказаний. Ясно, что такое тяжелое и позорное наказание за убийство родителей является реликтом обычного права, также как и „погоненье следомъ” (XIV.9-я ст.)⁷⁶, и главное место в нем колпного суда и др. До сих пор среди исследователей нет единого мнения, почему в Первом Статуте некоторые из этих норм или совсем отсутствуют, или о них говорится вскользь и очень кратко, а в Третьем они детализированы. Что здесь — возвращение к несколько подзабытым нормам обычного права или „достижения” „безбрежной” шляхетской демократии? Скорее всего, и то, и другое.

Уже в третьем десятилетии XIX в. профессора старого Вишньевского университета Й. Лелевель, И. Данилович и И. Ярушевич отмечали, что Литовские Статуты являются зеркалом своей эпохи. Это особенно относится к ТЛС. В нем наиболее полно отражены общественные, политические, экономические, семейные и даже повседневные бытовые отношения, положение хозяйства феодала и крестьянина, обычаи и культура, уже не говоря о правовых нормах литовского, белорусского и украинского народов. Например, на основании, казалось бы, такого незначительного факта, как сравнение цен на охотничьих собак в соответствующих статьях Первого и Третьего Статутов, можно сделать определенные заключения и выводы об изменениях в феодальном хозяйстве за 60 лет, т. е. с 1529 по 1588 г. Если в XII.12-й статье⁷⁷ Первого Статута охотничья собака „меделянской” породы оценивается в 12 руб., то в соответствующей XIII.12-й статье⁷⁸ Третьего — только в 3 руб.; значительно ниже стоимость охотничьих собак и многих других пород. Конечно, можно думать, что за 60 лет все подешевело, однако ничего подобного, наоборот, шел процесс подорожания, правда, не такими темпами, как в наше время, но шел. Так, например, XII.1-я статья Первого Статута определяет цену за жеребца „панского или землянского” 5 коп грошей, за кобылу — 3 копы грошей⁷⁹, а соответствующая XIII.1-я статья Третьего за жеребца — 8 коп, за кобылу — 4 копы грошей⁸⁰, XII.8-я статья Первого Статута за вола — 50 грошей, за корову — 30 грошей⁸¹, а соответствующая XIII.6-я статья Третьего за вола — 2 копы грошей (т. е. 120 грошей), за корову — 100 грошей⁸². Соответственно дорожает и другой сельскохозяйственный скот, дешевеют лишь охотничьи собаки и ловчая птица (кречеты, ястребы, соколы)⁸³. Какой

⁷⁶ Там же. С. 487.

⁷⁷ СВКЛ 1529 г. С. 122—123.

⁷⁸ Лаппо И. И. ЛС 1588. Т. II (текст). С. 473—474.

⁷⁹ СВКЛ 1529 г. С. 119.

⁸⁰ Лаппо И. И. ЛС 1588. Т. II (текст). С. 466.

⁸¹ СВКЛ 1529 г. С. 121.

⁸² Лаппо И. И. ЛС 1588. Т. II (текст). С. 469.

⁸³ СВКЛ 1529 г. С. 122; Лаппо И. И. ЛС 1588. Т. II (текст). С. 470.

вывод напрашивается из такого изменения цен? Что за эти 60 лет в хозяйстве феодала сильно развилось земледелие и скотоводство, уменьшилась доля охотничьего промысла.

Некоторые другие статьи ТЛС свидетельствуют о росте торговли. Так, 1.31-я статья обязывает всех землевладельцев проводить очистку судоходных рек, чтобы по ним могли плыть суда и плоты: „... вси станы, такъ духовные, яко светьские, отъ навьшное ажъ до низьное особы, повинъни будутъ заховати се и таковые реки портовые, черезъ именье и кгрунтъ ихъ идучие, вычищати и направовати.”⁸⁴ Того же раздела 30-я статья запрещает брать с шляхты пошлину за товары, произведенные в собственном хозяйстве: „... княземъ, паномъ-радомъ, духовнымъ и светьскимъ шляхте въ томъ панстве нашомъ даемъ тую вольность: на водахъ, на дорогахъ, то естъ сухимъ путемъ и воденымъ, на торгахъ и на мостехъ, такъ по именьяхъ нашихъ, яко и по ихъ властныхъ, спущати, провадити и продавати добровольне зъ ихъ властныхъ гумень, каждому его работы правдивое его збожъе, а не купленое — отъ того не маеть быти мыто давано (курсив наш — С. Л.)”⁸⁵.

Статьи Статута, выражаясь современным языком, не безразличны и к вопросам охраны природы. В них устанавливаются огромные по тем временам штрафы и даже уголовное наказание за убийство диких зверей в чужом лесу, например, за зубра — 12 руб., за лося — 6 руб., за дикую лошадь — 3 руб. (X.2-я ст.)⁸⁶. Особенно строгие наказания предусматривались за порчу бортовых деревьев, воровство ульев с медом: в случае поимки на месте преступления даже предусматривалась смертная казнь: „... если бы кого з лицомъ поймано — такового мають сказати, яко злодея, на горло”⁸⁷. Понятно, что эти статьи были направлены прежде всего на защиту имущества феодала, однако они одновременно в какой-то мере охраняли и саму природу.

Кто являлся кодификатором ТЛС, неизвестно. Исследователи, основываясь на косвенных источниках, лишь делают предположение, что, безусловно, в его подготовке принимали непосредственное участие, по крайней мере, руководили ею канцлер ВКЛ Евстафий Волович и подканцлеры Криштоф Миколай Радвила (Перкунас) и Лев Салега. Поскольку подготовка ТЛС длилась более десятилетия, то можно предположить, что в ней принял самое активное участие и предшественник Е. Воловича Миколай Радвила Рыжий, а также и другие деятели и, конечно, писари скриптория великокняжеской канцелярии.

ТЛС в отличие от Первого и Второго, которые не были отпечатаны, был в том же 1588 г. отпечатан в Вильнюсе в типографии братьев Мамоничей Львом Салегой в соответствии с привилегией короля и великого

⁸⁴ Лапто И. И. ЛС 1588. Т. II (текст). С. 97–98.

⁸⁵ Там же. С. 96.

⁸⁶ Лапто И. И. ЛС 1588. Т. II (текст). С. 376.

⁸⁷ Там же. С. 383, X. 14-я ст.

князя литовского Жигимантаса (Сигизмунда) III, предоставлявшей ему на это право, и стал сводом законов ВКЛ, на территории которого действовал до 1840 г., т. е. 252 года. В нем, как уже указывали и другие исследователи, не только более пространно и детально были сформулированы все нормы основных областей тогдашнего права, но и „получили более четкое отражение государственно-правовые идеи того времени”⁸⁸, основывавшиеся на идеологии гуманизма и рационализма. В этом смысле ТЛС — детище гуманизма и рационализма.

Ввиду всех этих положительных качеств он не только сохранил в течение 250 лет на территории ВКЛ силу действующего свода основных законов, но и оказал значительное влияние на законодательство соседних народов. В качестве субсидиарного права он действовал и в Польше. Был переведен на польский язык и выдержал 7 изданий (1614, 1619, 1648, 1693; 1744, 1786, 1819 гг.). На русский язык первый раз был переведен при подготовке Соборного Уложения 1649 г. и второй раз переведен (не с оригинала, а с польского) в 1811 г. и в том же году отпечатан. Сохранился также его рукописный перевод на немецкий язык. К сожалению, до сих пор ТЛС остается непереведенным на литовский язык.

Однако советские исследователи, воздавая должное этому памятнику права и культуры, не должны его идеализировать или тем более „литвинизировать” (как уже сказано, он является памятником нескольких народов). Это кодекс жестокой феодальной эпохи. Он узаконил равенство среди равных по классу, и то больше в теории, и неравенство среди неравных, т. е. между классом феодалов и эксплуатируемым им крестьянством, причем в самой жесткой форме — крепостничестве. Класс феодалов, составлявший в эпоху Третьего Статута не более 5–6%, действительно, как ни в одном другом государстве того времени, достиг наивысшей степени демократии. Однако при полном бессилии центральной великокняжеской власти такая „близкая демократия” все более превращалась в анархию и вполне соответствовала выражению: „Polska nierządem stoi”. Крупные магнаты игнорировали положения Статутов, не исполняли постановлений судов, даже указов самого великого князя и польского короля. На практике и далее действовало „кулачное” право сильного. Это заметил еще современник Первого Статута Михалон Литвин, писавший: „... бедняк (шляхтич — С. Л.), пожелавший вызвать в суд какого-либо магната, ни за какие деньги не найдет себе адвоката”⁸⁹. Хотя ТЛС, как Первый и Второй, строго запрещал насилие, наезды и междоусобицы среди феодалов, тем не менее они получали все большее распро-

⁸⁸ Юхо И. А. Общественно-политический строй и право Белоруссии в XVI в.: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. С. 26.

⁸⁹ Lietuvis Mykolas. Apie totorių, lietuvių ir maskvėnų papročius. V., 1966. P. 46, faks. P. 21.

странение, а к концу XVII в. превратились в настоящие войны, подобные тем, которые велись князьями в XIII--XV вв. Одна из таких феодальных „войн” на рубеже XVIII в., в 1700 г., произошла в окрестностях мест. Валькининкай, где против своеволия и злодеяний Сапег выступила объединившаяся в конфедерацию большая часть шляхты Лигвы и Белоруссии, предводительствуемая другими магнатами М. С. Вишневецким и Г. А. Огиньским. В сражении с обеих сторон участвовало около 7000 войска и несколько сот орудий. Сапегы потерпели поражение. Это „сражение” с большой силой отражено в исторической драме Б. Сруоги „Казимерас Сапега”. А ведь в таких феодальных войнах рубились не только Сапегы, Огиньские, Вишневецкие, шляхта, больше всего от таких междоусобиц терпели крестьянские массы, разорению подвергался весь край. Деятельность сеймов — этого высшего законодательного института государства — с введением „*liberum veto*” была парализована. Достаточно было какому-либо шляхтичу — депутату повета — при обсуждении какого-либо вопроса и принятии решения крикнуть „*nie pozwolam*”, и оно не могло быть принято. Именно эта „бездобная” шляхетская „демократия” толкала все дальше страну в пропасть и явилась главной причиной гибели самого государства. Определяя суть этой демократии, Ф. Энгельс писал: „Покоящаяся на крепостничестве дворянская демократия <...> является одной из самых примитивных общественных форм...”⁹⁰ И все же в обстановке такой феодальной анархии ТЛС служил определенной правовой опорой в борьбе с ней, и его принятие благодаря всем упомянутым достоинствам было большим прогрессивным явлением в истории ВКЛ. И народы, создавшие еще в эпоху феодализма такой замечательный памятник права, культуры и письменности, имеют все основания им гордиться.

TREČIAJAM LIETUVOS STATUTUI 400 METŲ (nuo Pirmojo iki Trečiojo Statuto)

S. LAZUTKA

Re z i u m ė

Šiomet sukanka 400 metų Trečiajam Lietuvos Statutui – didingam kelių tautų kultūros, teisės bei raštinijos paminklui, istorijos šaltiniui. Straipsnyje trumpai apžvelgiama jo pokario metų istoriografija, nes prieškarinę kruopščiai išanalizavo I. Lappo ir V. Pičeta. Autorius parodo, kad dėl daugelio priežasčių Lietuvos Statutai, ypač Trečiasis, gerokai pranašesni už visos Europos panašius feodališnius teisinus.

Straipsnyje akcentuojama, jog Statutai yra unikalūs istorijos šaltiniai. O Trečiajame smulkiau ir plačiau negu Pirmajame bei Antrajame aptartos ir įteisintos valstybinės, karo, civilinės, baudžiamosios ir proceso, šeimos, globos ir daugelio kitų teisės sričių normos.

⁹⁰Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 7. С. 394.

Straipsnyje lyginamos kai kurios Pirmojo ir Trečiojo Statuto normos ir parodoma, kad pastarajame jos, įteisindamos baudžiavą, vis dėlto redaguojamos pažangos kryptimi ir kad šia prasme Trečiasis Statutas, turėjęs didelį poveikį kaimyninių valstybių teisei, yra humanizmo ir racionalizmo kūdikis. Nors, antra vertus, negalima jo idealizuoti. Tai buvo savo epochos, feodalinės santvarkos teisynas, įteisinęs lygybę tarp lygių ir nelygybę tarp nelygių.

Вильнюсский университет,
кафедра истории Литвы

Вручено
в феврале 1988 г.